

явищем об'єктивною істинною або істинним його буттям» [5, с.23].

Отже, істина – *узгодження предмету з самим собою*. Формулюючи таке визначення істини, московський вчений визначає філософію зовсім по-платонівськи як «науку про ідеї». Ідея, як спеціальний предмет філософії, має містити в собі, окрім інших, такі головні ознаки – *дійсність та формальну доцільність*. Визначаючи ідею як дійсність, автор виступає проти того, щоб вбачати в ній виключно «суб'єктивний витвір», вважаючи, що ідея предмету є одним із суттєвих моментів в понятті цілісної та реальної істини буття. Дійсність та істинність предмету залежить від міри здійснення його ідеї у феноменальному бутті та наближення предмету до неї як ідеалу (задуму). В світлі цього категорії істини ототожнюються мислителем з дійсністю ідеї, що має метафізичне та надприродне буття. Тому то, на нашу думку, онто-гносеологічну природу істини в контексті теїстичної філософії В. Кудрявцева-Платонова можна зрозуміти на прикладі наступного співвідношення понять, поставивши між ними знак «=» : «Бог» (богослов'я) = Абсолютне буття (онтологія) = істина (гносеологія).

Висновки. Аналіз гносеологічних поглядів православного мислителя надає можливість усвідомити важливість теоретико-пізнавальної проблематики для побудови філософії як науки, якою він її вважав, що повинна сприяти формуванню науково-богословського мислення та виробленню погляду на релігійну віру не лише як на віру серця, але й ума, віру свідому та розумну. Саме гносеологія, на нашу думку, є тим об'єднуючим (синтезуючим) фактом у творчості В.Д. Кудрявцева-Платонова, який поєднує, на методологічному рівні, філософію та богослов'я у боротьбі проти анти-філософського та антирелігійного матеріалізму та позитивізму ХІХ століття.

Бібліографічні посилання:

1. **В.С.** [Соколов В.А.] Памяти наставника нашего В.Д. Кудрявцева-Платонова [3 января 1891 г.] [Некролог] // Богословский вестник. – 1892. – №1. – С. 161-165.
2. **Введенский А. И.** О характере, составе и значении философии В.Д. Кудрявцева-Платонова / А. Введенский // Кудрявцев-Платонов В.Д. Сочинения. Том первый. Вып.1. – Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1893. – С. 57-124.
3. **Иванов М.С.** Академическое богословие. Исторический обзор / М.С. Иванов // Журнал Московской патриархии. – 1986. – №1. – С. 59-70.
4. **Кабанова М. Л.** Религиозная метафизика В.Д. Кудрявцева-Платонова: дисс. ... кан. филос. наук: 09.00.13. / М.Л. Кабанова; Амур. госуд. ун-т. – Благовещенск, 2006. – 186 с.
5. **Кудрявцев-Платонов В.Д.** Сочинения. Том первый. Исследования и статьи по введению в философию и по гносеологии. Вып.1. / В.Д. Кудрявцев-Платонов. – Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1893. – IV, 182, 260 с.
6. **Кудрявцев-Платонов В.Д.** Сочинения. Том первый. Исследования и статьи по введению в философию и по гносеологии. Вып.2. / В.Д. Кудрявцев-Платонов. – Сергиев Посад: 2-я типография А.И. Снегиревой, 1893. – 310 с.
7. Памяти наставника нашего В.Д. Кудрявцева-Платонова. Речи, слова и стих при погребении // Богословский вестник. – 1892. – №1. – С. 166-214.
8. **Соколов П.П.** Краткие сведения о жизни и трудах Виктора Дмитриевича Кудрявцева / П.П. Соколов // Богословский вестник. – 1892. – №1. – С. 215-232.
9. **Цвык И.В.** Духовно-академическая философия в России ХІХ в. (Историко-философский анализ): дис. ... док. филос. наук: 09.00.03 / И.В. Цвык; Российский университет дружбы народов. – М., 2002. – 373 с.

УДК 52.02:801.31(470.333-15)

Б. М. Петров

О ПРОЯВЛЕНИИ ПРИНЦИПА ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ТОПОНИМИИ

Применение принципа дополнительности Н. Бора приобретает всё большее значение для исследований в различных областях знаний. Около 10% поселений Стародубья до революции имели парные названия: официальное, рациональное (метка) и второе, народное, образное, описательное. Парность рядов ойконимов рассматривается как ещё одно проявление принципа дополнительности, позволяющей более полно описать объект называния. После революции система дополнительных топонимов сознательно

уничтожалась.

Ключевые слова: Принцип дополнительности, ойконимия, историческая провинция, Стародубье, парность названий, фолконимы, полнота описания, топонимические реформы.

Застосування принципу доповнювальності Н. Бора отримує все більше значення для досліджень в різних сферах знання. біля 10% поселень Стародуб'я до революції мали парні назви: офіційну, раціональну (мітка) і другу, народну, образну, описову. Парність рядів ойконімів розглядається як ще один прояв принципу доповнювальності, що дозволяє більш повно описати об'єкт іменування. Після революції система додаткових топонімів свідомо нищилася.

Ключеві слова: Принцип доповнювальності, ойконімія, історична провінція, Стародуб'я, парність назв, фолконіми, повнота опису, топонімічні реформи.

The use of Niels Bohr's principle of complementarity is becoming increasingly important for research in various fields of knowledge. About 10% of the settlements of Starodub before the revolution had paired names: formal, rational (label) and the second, a popular, imaginative, descriptive. Paired series of oikonyms are considered as another manifestation of the principle of complementarity, which allows a more complete description of the object name. After the revolution, a system of additional place names was deliberately destroyed.

Key words: principle of complementarity, oikonymy, settlement names, historical province, Starodub, paired names, folkonimy, completeness of description, toponymic reforms.

Методологический тупик в физике микромира, возникший в начале XX в., был разрешён Н. Бором, сформулировавшим в 1927 г. *принцип дополнительности*: адекватное описание объектов микромира можно дать только путём одновременного соположения представляющихся противоречивыми, но равнозначущих образов из классической физики (свет одновременно и частица и волна). Продолжая размышлять над явлением дополнительности, Н. Бор пришёл к выводу, что этот принцип проявляется не только в квантовой физике, но и в других явлениях природы, в духовном мире человека, в общественной жизни. Западная наука достигла заметных успехов в осмыслении принципа дополнительности [1, 6].

В СССР в условиях абсолютного господства воинствующего диалектического материализма с его претензией на владение истиной в конечной инстанции такое осмысление сдерживалось. Принцип дополнительности привязывали в основном к явлениям микромира и пытались вывести его из материалистической диалектики, рассматривая сопологаемые образы как диалектические *противоположности*. В последние десятилетия, особенно падения коммунистической идеологии учёные бывших союзных республик с усиленным вниманием обратились к освоению принципа дополнительности и достигли заметных успехов. Оказывается, что принципу дополнительности подчиняются закономерности лингвистики, литературоведения, искусствоведения, гносеологии и других отраслей знания. Некоторые исследователи рассматривают принцип дополнительности как всеобщий [2, 5, 8, 12 и др.].

Рассматривая древнеегипетскую науку и культуру, Вяч. Иванов отмечает «напряжённое внимание» древних к *обозначению явлений посредством имён*, наличие у одного и того же явления многих имён, описывающих это явление несколькими, казалось бы, *несовместимыми* друг с другом образами и *названиями* этих образов. Эту потребность мышления в использовании многих имён и образов по отношению к одному явлению он рассматривает тоже как проявление принципа дополнительности [3, с.6-8]. С другой стороны, известно, что в мифологии *наречение имён* равнозначно акту *творения*. Каждое имя несёт определённые свойства объекта. Отсюда можно сделать предположение, что процессы наречения имен древнеегипетским богам и другим явлениям той жизни и создание имён в новое время могут подчиняться единым закономерностям, в т. ч. принципу дополнительности. Проверке этого предположения посвящена настоящая работа.

Современные языки настолько развиты, что уже не требуют массового создания имён нарицательных. В настоящее время именотворчество происходит в основном в сфере *имен собственных*. Настоящим действующим полигоном именотворчества является *топонимия*, в особенности *ойконимия* (названия населённых пунктов), *годонимия* (названия улиц, бульваров и т. п. линейных объектов в городах) и *эргонимия* (названия предприятий, организаций, магазинов и т. п. объектов). Современная годонимия находится под сильнейшим административным контролем, а эргонимия отражает текущую моду, в т. ч. подвержена дурно усвоенным нормам чужих языков. Предметом нашего рассмотрения будут только названия населённых пунктов.

В качестве объекта анализа мы взяли ойконимическую систему (совокупность ойконимов)

исторической провинции Стародубье. Под Стародубьем мы понимаем территорию бывшего Стародубского полка Войска Запорожского в составе четырёх северных уездов (Суражского, Мглинского, Стародубского и Новозыбовского) б. Черниговской губернии, которые с 1919 г. входят, за исключением отдельных волостей, в состав РСФСР-России. Выбор этой территории обусловлен, в первую очередь, принадлежностью рассматриваемого корпуса её ойконимов к одной исторической провинции, что в какой-то мере гарантирует единство их генезиса, а также знакомством с нею автора по другим историко-краеведческим и топонимическим исследованиям. По Стародубью имеется ряд добротных работ, позволяющих уточнить написание ойконимов и прояснить их этимологию [7, 9, 14, 15]. Выбор даты, на которую анализируется корпус ойконимов, опирается на реестр населённых пунктов в монографии А. Русова [14, с. 14-86] по состоянию наименований на 1897 г. – год проведения Первой всероссийской переписи населения, что удачно предшествует эпохе тотальной идеологизации топонимии.

На рассматриваемую дату на территории Стародубья находилось 1219 населённых пунктов. 119 из них (9,8%) имели по два названия. Доля поселений с двумя названиями колебалась по уездам от 4,4 до 21,3 % (Стародубский уезд – 14, Мглинский – 21, Новозыбовский – 23, Суражский – 61 ойконим). Можно говорить, что доля поселений с парными названиями несколько выше у малых и более молодых поселений (хуторов, заимок, малых деревень), однако это лишь общая качественная оценка, не подтверждаемая пока статистически. У многолюдных и, соответственно, более старых сёл двойные названия также встречаются, хотя и реже. В окраинном Суражском уезде, обладавшем максимальным абсолютным и относительным (каждое пятое) количеством парных названий, доля несущих их поселений, образованных в XVIII в., максимальна (45,9%), а молодых (1858-1897 гг.) – минимальна среди уездов Стародубья. Обилие парных ойконимов в Суражском уезде скорее можно связать с его окраинностью, захолустностью.

Парные ойконимы Стародубья образуют два ряда. Ряд неофициальных названий сочинён и используется народом (*фолконимы*). Происхождение ряда официальных ойконимов более разнородно и сложно. Значительная часть их дана властями мирскими или церковными (*админонимы*), другая придумана землевладельцами, пытавшимися стать на точку зрения администрации. Во второй половине XIX в. они старались выделиться за счёт введения малопонятных народу неологизмов. Ойконимы обоих рядов следуют основному закону топонимики – в качестве топонима используется слово, обозначающее характерный, единичный в сфере известности данного объекта его признак, но у ряда фолконимов это следование заметно строже, чем у топонимов другого ряда.

Так, многочисленные *Займища* получили в народе дополнительные фолконимы (часто – по именам и кличкам владельцев) – *Гамалея, Голицыной, Алёновка, Голяковка*, одноимённые деревеньки *Ивановки* – соответственно *Суздалёвка, Ямная, Кременчуковка, Гнилуша* и т. п. С другой стороны, немногочисленным рудням, имевшим в XVII-XVIII вв. составные названия, включавшие прозвище рудничного мастера или фамилию владельца (*Рудня Косичская, Рудня Воловка, Рудня Голубовка* и др.), позже оказалось достаточно названия просто *Рудня* – оно единично в округе. Многочисленным хуторам, названным по именам владельцев, народ присваивал свои, более красочные и образные наименования: х. *Петровка – Любского*, другая *Петровка – Нехотеевка, Лукьянцев – Гавриловка, Елисаветинский – Окоп* (из-за конфигурации границ земельной дачи этот хутор оказался почти со всех сторон окопан межевыми знаками). Той же закономерности подчиняются следующие пары ойконимов: *Гасанова Слобода – Перегоновка, Петрова Слобода – Синьковка* (по курганам «синцов», т. е. покойников – вымершего дохристианского населения края), *Марьино Слобода – Ольшанка, Варварина Слобода – Добринь* (по названию речки), *Лидина Слобода – Ольховка*, но здесь дополнительно действует также принцип лаконизма: зачем говорить два слова, если и одно может точно обозначить объект?

Для фолконимов нет авторитетов, даже среди монашествующих: *Мартьяновка* (по малоизвестному древнему насельнику Киево-Печерской лавры) в народе – *Голотовка, Богородицкое* (по «Дому пресвятой Богородицы», как называли Лавру) – *Чернецкая* и др. Народ не терпит сюсюканья (так, *Фёдоровка* преобразована в *Федьковку*) и, особенно, манерничанья: х. *Фольварок – Чернятин, Дионисполь – Крупец, Мантельмар – Иванин, Густав – Кусты, Красный Кабачок* (посёлок за околицей посада Клиницы, названный известным «брэндом» столичного кабака) – *Забегаявка*. Фолконимы отличаются грубоватым народным юмором: *Крутая Буда – Злодейская Буда, Казённая Туросна – Дурни* (потому что поселились на бугре среди болота), местечко *Семионовка* (по Стародубскому полковнику Семиону Гетманичу) – *Задрисновка* и т. п.

Фолконимы более образны, более веселы, более *описательны*, официальные ойконимы – более

*рациональны, более сухи, чаще являются топонимами-метками. Сферы обращения топонимов обоих рядов – разные, но это не противоположности. Народ прекрасно знал оба ряда ойконимов и пользовался обоими членами топонимической пары в зависимости от обстоятельств: при беседе с должностным лицом – официальным названием, в бытовом разговоре – народным, зачастую высмеивая официальные названия. Правящее сословие также знало оба ряда ойконимов, но предпочитало пользоваться одним, более близким ему. В то же время обычно фиксировались оба ойконима (х. *Зараманский, Овсенков* тож). Полное представление о поселении можно получить лишь, соположив оба его имени, которые являются дополнительными. Так **всеобщий принцип дополнительности** проявляется в свободном топонимическом именотворчестве. Можно предполагать, что ойконимическая двуимённость ранее была распространена шире, вплоть до всеобщего её проявления, чем это следует из материалов А.Русова [14], которые основаны на заметках счётчиков Переписи 1897 г. Эти люди были добросовестны, но они не являлись специалистами по топонимике и преследовали лишь свои сугубо служебные цели: не спутать при обработке материалов разные поселения.*

В условиях идеологизированного государства произошло то, в чём в общем случае Вяч. Иванов усматривал черты шизофренического мышления: превалирование рационального, левополушарного мышления за счёт подавления образного, правополушарного [3]. В это время вторые, народные названия поселений негласно были поставлены в позицию неправильных, лишних, ненужных. Научная топонимика также не возвысила в их защиту своего учёного мнения [16]. При составлении топографических карт инструкция предлагала картографам «выявлять путём опроса названия населённых пунктов, отличающиеся от официально установленных, но бытующие (укоренившиеся) среди местного населения», при этом среди опрашиваемых рекомендовалось отдавать предпочтение «работникам райисполкомов, сельсоветов, школ, совхозов и др.» Ведомости выявленных названий следовало заверять в Исполнительном комитете районного (областного) Совета народных депутатов. Нанесение на карту выявленного второго названия поселения передавалось на ответственность редактора карты [13, с.13,15], который отвечать не стремился. Но и это ещё не было гарантией сохранения второго ойконима.

В результате такого подхода образная народная топонимия была фактически уничтожена. Как из рога изобилия на карты и планы посыпались рационально идеологизированные топонимы-метки, более половины корпуса которых одинаково для всей страны. В крупнейшем городе Стародубья Клинцах (около 70 тыс. жит.) сохранилось лишь три дореволюционных годонима. Из 172 топооснов, ставших названиями клинцовских улиц и переулков, 97 (56%) применялось и в Москве [10]. Составители «Истории городов и сёл Украинской ССР» вопрос двуимённости украинских поселений обошли молчанием [4]. В период топонимической реформы 1964 г. Брянская область РСФСР стала своеобразным «чемпионом» по искоренению исторической топонимии и присвоению поселениям безликих админимов типа *Мирный, Дружный, Красивый, Берёзовый, Весёлый, Тихий, Прохладный* и т. п. [11]. При этом фольклоримы второго ряда никогда не использовались в качестве замещения отменяемого названия, что, в свою очередь, является подтверждением взаимодополнительности парных ойконимов.

Бібліографічні посилання:

1. **Бор Н.** Атомная физика и человеческое познание: Сб. статей / Нильс Бор. – М., 1961.
2. **Вершинин И.В.** Труды по изучению предромантизма и романтизма / И.В. Вершинин. – Самара, М., 2011, 671 с.
3. **Иванов Вяч. Вс.** До – во время – после? / Вяч. Вс. Иванов / Г. Франкфорт и др. В преддверии философии – М., 1984. С.3-21.
4. История городов и сёл Украинской ССР: Черниговская область – К., 1983. С. 507.
5. **Климец А.П.** Мирозданье постигая / А.П. Климец – Донецк, 2007, 175 с.
6. **Кузнецов Б.Г.** Принцип дополнительности / Б.Г. Кузнецов – М., 2007, 96 с.
7. **Лазаревский А.М.** Описание старой Малороссии. Т. I. Полк Стародубский / А.М. Лазаревский – Киев, 1888, 1889, вып. 1 и 2.
8. **Налимов В.В.** Реальность нереального: Вероятностная модель бессознательного / В.В. Налимов, Ж.А. Дрогалина – М., 1995, 428 с.
9. Опис Новгород-Сіверського намісництва: (1779-1781) – Київ, 1931, 593 с.
10. **Петров Б.М.** О годонимии городских поселений Стародубья / Б.М. Петров / Традиционная культура на территории Российско-Белорусского пограничья: историко-этнографический и лингво-культурологический аспекты – Новозыбков, 2012, Изд-во РИО БГУ (в печати).
11. **Петров Б.М.** О семантике топонимической реформы 1964 года / Б.М. Петров / Нормативность в условиях смешения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья – Новозыбков, 2012, изд-во РИО БГУ. С.311-317.
12. **Руднев В.П.** Новая модель бессознательного / В.П. Руднев – М., 2012, 286 с.

13. Руководство по сбору и установлению географических названий на топографических картах и планах. Утверждено Главным управлением геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М., 1985, 53 с.

14. Русов А.А. Описание Черниговской губернии / А.А. Русов. – Чернигов, 1899, т. II, 327 с.

15. Соколов Я.Д. Седая брянская старина / Я.Д. Соколов. – Брянск, 2000, 660 с.

16. Суперанская А.В. Что такое топонимика? / А.В. Суперанская. – М., «Наука», 1985, 177 с.

УДК 130.2

И. И. Москаленко

КУЛЬТУРНАЯ ПРАГМАТИКА И СЕМАНТИКА МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Прагматична проблематика міфологічної традиції пов'язана з її інформаційними функціями. Міфологічна інформація для архаїчних чоловіків залежна від культурного контексту. Для дослідників джерелом культурної семантики є міфологічна суб'єктивність, пов'язана з цінностями культури.

Ключові слова: Міфологічна традиція, семантика міфів, прагматика міфів.

The pragmatic problem of mythological tradition is its informative functions. The myth's information for archaic people is dependent of cultural context. The source of cultural semantic for researcher is myth's subjectivity which is connected with cultural valuables.

Key words: Mythological tradition, myth's semantic, myth's pragmatic.

Прагматическая проблематика мифологической традиции связана с ее информационными функциями. Для архаичных людей информация мифа зависит от культурного контекста. Для исследователей источником культурной семантики является субъективность мифа, связанная с ценностями культуры.

Ключевые слова: Мифологическая традиция, семантика мифа, прагматика мифа.

© И.И. Москаленко, 2012

В рамках современного философского дискурса миф рассматривается в связи с проблемами когнитивной эволюции, поиском оснований новой рациональности, как особый вид текстов в семиотике. В ходе почти векового научного исследования мифа, его понимание учеными эволюционирует от определения мифа как вымысла к рассмотрению его как особого знания о мире. Прагматический аспект рассмотрения мифологии связан с выяснением информации, которую содержит миф как текстовое сообщение, вовлеченное в процесс культурной коммуникации внутри архаичных обществ. Это понимание мифа имеет большое значение для изучения истории и культуры архаичных народов, так как мифологическое наследие и археологические артефакты являются единственными прямыми свидетельствами об их жизни. Философское изучение мифа как особого вида знания открывает перед нами историческую перспективу эволюции знаний от мифа к науке и далее к новым возможным формам когнитивной практики и к новым когнитивным стратегиям, потребность в которых усиливается в результате расширения сферы знания информационного общества.

Прагматический аспект в исследовании семиотики мифа появляется уже в работах К. Леви-Сторосса о мифе как об особом культурном знании. Ученый считал, что мифологическое познание основано на принципе бриколажа, в процессе реализации которого миф дает медиативные значения для пары противоположностей (бинарная оппозиция); а задача исследователя состоит в определении мифемы и познаваемого с ее помощью социального отношения [7, с.187]. В таком подходе не находит отражение разделение прагматических ситуаций: информация, которую несет миф для нас, отличается от информации, которую нес миф для своих создателей. Интересно замечание И. М. Дьяконова: «Однако постулируемая исследователем мифологическая модель может оказаться и результатом вторичного научного осмысления, не присутствовавшего непосредственно в древнем сознании» [3, с.50].

Более выраженный прагматический подход к изучению мифа имеется в работах А. С. Майданова, посвященных определению методологии изучения мифа и ее применению для определения знаний, содержащихся в «Ригведе» [8; 9]. С целью выяснения реалистического содержания мифов автор предлагает применять методы деидеификации, десубъективизации, деметафоризации [9, с.11]. Но применение этих методов нуждается в дополнительном теоретическом обосновании, так как исследователь предлагает лишить миф его качественных